

Бакланова Ирина Ивановна
заведующий кафедрой русского языка
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
ii-baklanova@mail.ru

ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕТЕЙ (на материале текста рассказа И.С. Тургенева «Бежин луг»)

В статье проанализированы средства выражения диалогичности в тексте рассказа И.С. Тургенева «Бежин луг». Выявлены особенности этих средств; показано разнообразие проявлений диалогичности в тексте, способствующее более глубокому осмыслению произведения: крестьянские дети, имея мифологическое мировоззрение, органично включены в мир живой природы.

Ключевые слова: диалогичность; средства выражения диалогичности; диалектная речь; образ крестьянских детей; И.С. Тургенев.

Текст рассказа И.С. Тургенева «Бежин луг» изучен литературоведами в разных аспектах. В данной статье мы проанализируем этот текст с лингвистической точки зрения: рассмотрим средства диалогичности, использованные в рассказе, и выявим их роль в формировании обобщенного образа крестьянских детей.

Изучением категории диалогичности речи занимались многие исследователи. В функциональном плане она изучена на примере письменных текстов, в частности, текстов научного и публицистического стилей [Кожина 1981; Дускаева 2006, 2012; Мишланов, Салимовский 2010; Данилевская 2012 и др.]. Л.Р. Дускаева в качестве ведущих средств выражения диалогичности называет прямую и косвенную речь (цитацию); вводные слова, словосочетания и предложения, передающие источник сообщения; ссылки, сноски, вопросно-ответные комплексы [Дускаева 2006: 134].

Выбор текста И.С. Тургенева «Бежин луг» для данного исследования неслучаен. В произведении описаны крестьянские дети, речь которых является диалектной. Таким образом, средства диалогичности будут рассмотрены на примере текста художественного стиля, в котором огромный пласт составляют разговорные диалектные фрагменты.

В центре повествования оказываются мальчики – дети крестьян: Ильюша, Павлуша, Костя, Федя (сын богатого крестьянина) и Ваня. В ночное время на берегу реки они пасли лошадей, выполняя не детскую работу, которая, однако, воспринималась как «большой праздник для крестьянских мальчиков».

Хотя повествование в «Бежином луге» ведется от лица рассказчика-путешественника, в центре событий оказываются именно крестьянские дети. Мальчики вступают в многочисленные диалоги: диалог с путешественником, оказавшимся случайно в их окружении; диалоги с нечистой силой; диалоги с природой; диалоги между собой.

Рассмотрим проявление диалогичности по этим направлениям сюжета.

Диалоги путешественника с мальчиками И.С. Тургенев не разворачивает, ограничивается фразами: *«Я сказал мальчикам, что заблудился, и подсел к ним. Они спросили, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили»*. Здесь же покажем «разговор» путешественника с природой: *«Что за притча?.. Да где же я?»* И далее снова риторический вопрос: *«Да где же я?»* Диалогичность представлена риторическими вопросами, т.е. вопросами без ответов. Несмотря на то, что путешественник – это барин, живущий в этих местах, у барина нет связи с природой.

Ярче всего средства диалогичности представлены в рассказах детей о нечистой силе. Надо сказать, что нечистая сила в тексте И.С. Тургенева – это домовый, водяной, леший, русалка, покойники. Говоря о нечистой силе, И.С. Тургенев использует неопределенные, указательные или личные местоимения 3 лица. В рассказе о встрече с домовым на старой рольне мы читаем: *кто-то* над головами заходил, *доски под ним так и гнут-ся*, *ступеньки под ним так и стонут*, *как закашляет*, *как заперхает*, *словно овца какая*; *подошел тот* к нашей двери, *подождал*, *подождал* – *дверь вдруг вся так и распахнулась*.

На протяжении действия рассказа мальчики неоднократно обращаются к историям о нечистой силе. Больше всех знает об этом Илья: он рассказывает о домовом на старой рольне; о покойнике-утопленнике, похороненном на плотине; о том, что старый покойный барин на Варнавицах ходит время от времени и ищет разрыв-траву. Ильюша знает, что леший немой, что покойников можно во всякое время увидеть. Другой мальчик, Костя, рассказал о встрече слободского плотника Гаврилы с русалкой.

Ключевая фигура среди крестьянских детей – Павлуша. Он отличается от всех своей зрелостью, знаниями особенностей природы. Павлуша тоже вступает в разговор о нечистой силе, говорит о предвиденье небесном – солнечном затмении; о Тришке – удивительном человеке, который придет, когда «наступят последние времена»; Павлуша услышит голос

утопленника Васи. Но именно Павлуша более всех разбирается в местной природе, потому что определяет причину ночных пугающих звуков, именно он переключает внимание ребят, говорит, что так кричат цапли, пересвистывают кулички, всплескивает в воде щука. Именно Павлуша скачет в ночь, в полную темноту, реагируя на лай взволнованных собак, именно он идет к воде тогда, когда всем страшно.

Проанализируем средства выражения диалогичности в рассказах о нечистой силе. Отметим, что разнообразие средств диалогичности связано с пересказом этих историй.

Ведущим средством диалогичности выступает прямая речь: 1) *Вот, на днях, зовет приказчик псаля Ермила; говорит: «Ступай, мол, Ермил, на пошту»... Вот и думает Ермил: «Сем возьму его [барашка], – что ему так пропадать», да и слез, и взял его на руки... 2) вот пошел я мимо этого бучила, братцы мои. И вдруг из того-то бучила как застонет кто-то, да так жалостливо, жалостливо: у-у... у-у... у-у!*

Активно используется косвенная речь: 1) *Вот мы остались и лежим все вместе, и зачал Авдюшка говорить, что, мол, ребята, ну, как домовой придет?..; 2) И Гаврила баил, что голосок, мол, у ней такой тоненький, жалобный, как у жабы; 3) Барин-то наш, хоша и толковал нам напредки, что, дескать, будет вам предвиденье, а как стемнело, сам, говорят, так перетрусился, что на-поди.*

Прямое включение речи обеспечивает непосредственное участие говорящего в рассказываемом сюжете: 1) *Но потом смотрит баба идет. Она взглядываться, взглядываться, – ах ты, господи! – сама идет по дороге, сама Ульяна; 2) Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: что, мол, не помню я, чтобы этак бараны кому в глаза смотрели; однако ничего; стал он его этак по шерсти гладить, – говорит: «Бяша, бяша!»*

В качестве вводных конструкций используют следующие слова и сочетания слов: *мол* (10 единиц), *говорят* (5), *говорит* (6), *вишь* (3), *знаешь*, *смотри*, *глядь* (2), *дескать*, *послушайте-ка*, *знать*, *слышь*, *слухи ходили*, *говорили старики*, *тятенька говорил*. Эти единицы типичны для разговорной речи.

Классификация вводных конструкций по семантике показывает следующее:

1) указывает на источник сообщения: 1) *Пошел он раз, тятенька говорил, – пошел он, братцы мои, в лес по орехи...; 2) Варнавицы?.. Еще бы! Еще какое нечистое [место]! Там не раз, говорят, старого барина видали – покойного барина. Ходит, говорят, в кафтане долгополом и все это этак охает, чего-то на земле ищет;*

2) употреблено для установления контакта: 1) *А на дворовой избе баба-стряпуха, так та, как только затемнело, слышь, взяла ухватом все*

горшки перебила в печи: «Кому теперь есть, говорит, наступило светопреставление»; 2) А у нас, вы знаете, место видное, привольное; 3) Не бранись: смотри, услышишь, – заметил Илья. 4) Вдруг, глядь, у одного чанна форма зашевелилась... 5) ...*послушайте-ка*, намеднись что тятя мне рассказывал.

3) употреблено для заполнения паузы: *Но а говорят, прежде красавица была. Водяной ее испортил. Знать, не ожидал, что ее скоро вытащут.*

В одном эпизоде нередко соединяются разные средства передачи чужой речи (прямая и косвенная речь, вводные слова): 1) *Его раз дедушка Трофимыч повстречал: «Что, мол, батюшка, Иван Иваныч, изволишь искать на земле?» – Разрыв травы, говорит, ищю. Да так глухо говорит, глухо: – Разрыв травы? – Давит, говорит, могила, давит, Трофимыч: вон хочется, вон... 2) ... Назаров, надсмотрщик, запретил говорит: «Что, мол, вам, ребятам, домой таскаться; завтра работы много, так вы, ребятки, домой не ходите».*

Прямая речь переходит в косвенную, а потом опять в прямую.

Эти примеры являются ярким подтверждение слов Л.П. Якубинского: «В отличие от монолога, диалогическое общение подразумевает высказывание «сразу» и даже «лишь бы», «как попало»; только в некоторых особых случаях, которые признаются нами как особые, мы констатируем при диалоге обдумывание...» [Якубинский 1986: 35-36].

Материал показывает, что, говоря о тайном, сверхъестественном, сакральном, люди нередко ссылаются на чужой опыт, более того, часто они обращаются к воспоминаниям, полученным от неопределенного лица. Крестьянские мальчики в своих рассказах ссылаются на опыт людей из их ближайшего окружения. Это *Ермила, Назаров, Гаврила, Авдюшка, дедушка Трофимыч, барин, тятя, мужик*. Названные люди одновременно и герои историй, и рассказчики этих историй. Такой круг общения говорит о замкнутости жизни крестьян, но в то же время расширяет наше представление о крестьянских детях: они перенимают тот образ жизни, который характерен для взрослых.

Можно говорить еще и о том, что крестьянские дети на Бежином лугу общаются и со светлыми, божественными силами.

Светлые силы – это природа, живая (голубок) и неживая: 1) «А ты его видал, лешего-то, что ли? – Нет, не видал и сохрани меня бог его видеть...»; 2) *Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, раздался вдруг детский голос Вани, – гляньте на божьи звездочки, что пчелки роятся!* 3) *С нами крестная сила!* – шепнул Илья. [Тургенев 1985: 69]

Диалоги между мальчиками – это вопросно-ответные единства:

1) – *Что там? что такое? – спросили мальчики. – Ничего, – ответил Павел, махнув рукой на лошадь, – так, что-то собаки зачуяли;*

2) *Костя вздрогнул. – Что такое? – Это цапля кричит, – спокойно возразил Павел.*

Разделение рассказа по названным сюжетным линиям весьма условно, так как текст – это целостное полотно. На протяжении всего рассказа, как нам кажется, идет противопоставление образа Павлуши и путешественника-барина. И происходит это исключительно в природе: собака барина устало смотрит на него и не желает искать дорогу домой – собака, стерегущая стадо, мчится в темноту вместе с Павлушей; от барина пугливо улетает птица – Павлуша может назвать крик любой птицы (*это цапля кричит, это кулички летят, посвистывают*); перед бариним стеной вставали кусты – Павлуше были открыты все просторы.

Подводя итог, отметим, что категория диалогичности в тексте проявляется по-разному. Наиболее показательны средства выражения диалогичности в рассказах мальчиков о нечистой силе. Мы видим полное сходство средств выражения диалогичности в диалектной речи и речи крестьянских детей: при передаче чужой речи говорящие не используют книжную лексику, лексически и синтаксически однообразно оформляют чужую речь [Бакланова 2013]. Это определяет народный характер крестьянских детей. Содержание диалогов, в центре которых оказываются мальчики, показывает их мифологическое мировоззрение, веру в колдунов, русалок, леших, с одной стороны, и веру в Бога, – с другой.

Анализ категории диалогичности помогает понять и место крестьянских детей в природе: барин, заблудившийся в «своих» местах – чужой, а дети – свои, близкие природе. Крестьянские дети неразрывно связаны с природой.

Считаем, что в тексте И.С. Тургенева диалогичность может рассматриваться как средство, способствующее пониманию смысловой нагрузки произведения. «Диалогичность – это выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций, многоголосия общения с целью достижения эффективности коммуникации в той или иной сфере общения» [Дускаева 2012: 9]. Диалогичность текста «Бежин луг» отражает именно многоголосие, которое помогает читателю открыть образы крестьянских детей.

Библиографический список

Бакланова И.И. Средства выражения диалогичности в речи диалектоносителей (на материале русской речи жителей Коми-пермяцкого округа) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3 (23). С. 35-39.

Данилевская Н.В. Ослабление диалогичности как проявление кризиса массовой коммуникации // Электр. журнал Факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоно-

сова «Медиаскоп». Вып. №4, 2012. URL: <http://www.mediascope.ru/en/node/1239> (дата обращения: 03.05.18).

Дускаева Л.Р. Диалогичность речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука, 2006. С.45-53.

Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Под ред. М.Н. Кожиной. СПб.: СПбГУ: Филол. факультет, 2012. 274 с.

Кожина М.Н. Диалогичность письменной научной речи как проявление социальной сущности языка // Методика и лингвистика. М., 1981. С. 77–84.

Мишланов В.А., Салимовский В.А. Диалогичность церковно-религиозных текстов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (12). С. 24–29.

Тургенев И.С. Записки охотника. М.: Худ. литература, 1985. С. 58–72.

Якубинский Л.П. О диалогичности речи // Л.П. Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–58.

I.I. Baklanova

Head of Russian Language Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

DIALOGUENESS AS MEANS OF THE IMAGES OF PEASANT CHILDREN CREATION

(on the basis of I. S. Turgenev's text of 'Bezhin Meadow' story)

Means of dialoguiness expression in the text of I. S. Turgenev's story 'Bezhin Meadow' are analyzed in the article. These means peculiarities are revealed. Diversity of dialoguiness demonstration in the text contributing to deeper understanding of the work is shown: peasant children having mythological world view are seamlessly included into the world of wild life.

Key words: dialoguiness, means of dialoguiness expression, dialect speech, peasant children image, I.S. Turgenev.